

Живое слово как горизонт реальности: от потенции смысла к событию истины

The Living Word as a horizon of reality: from the potential of meaning to event of truth

Лазарев А.И.

Учредитель историко-филологического фонда имени А.А. Хованского, г. Воронеж
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Lazarev A.I.

Founder of Historical and Philological Foundation named after A.A. Khovansky, Voronezh
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу метафоры «живое слово» как особого модуса языковой реальности, в котором смысл переходит от потенциального состояния к событийному осуществлению. Исходной проблемой выступает ограниченность двух аналитически реконструируемых моделей языка – корреспондентной, понимающей язык как средство отражения мира, и конструктивистской, трактующей его как механизм производства реальности. Обе модели недостаточно объясняют, каким образом слово становится событием, способным преобразовывать сознание, межсубъектные отношения и саму конфигурацию переживаемой реальности. В статье предлагается рассматривать язык как горизонт потенциального осуществления реальности, актуализируемый в конкретном речевом акте. На этом основании «живое слово» определяется не как метафора, а как операциональное понятие, фиксирующее переход от потенции смысла к действительности. Особое внимание уделяется проблеме истины, которая понимается как форма осуществления смысла в свободном и ответственном диалоге. Критериями такого события истины выступают парресия, кайрос и симферон. Делается вывод, что реальность не просто описывается языком и не произвольно им конструируется, а осуществляется между участниками общения в событии живого слова.

Ключевые слова: философия языка, живое слово, истина, корреспондентная теория истины, конструктивистская модель языка, парресия, кайрос, симферон, коммунитарный характер истины, Общая теория живого слова (ОТЖС), психолингвистика, интерфейсная теория значения слова, искусственный интеллект.

Abstract

The article analyzes the metaphor of the “living word” as a special mode of linguistic reality in which meaning transitions from a potential state to an event-like actualization. The initial problem is the inadequacy of two analytically reconstructed models of language: the correspondence model, which understands language as a means of reflecting the world, and the constructivist model, which treats it as a mechanism for producing reality. Both models fail to explain how a word becomes an event capable of transforming consciousness, intersubjective relations, and the very configuration of lived reality. The article proposes to view language as a horizon for the potential actualization of reality, a horizon that is activated in a concrete speech act. On this basis, the “living word” is defined not as a metaphor but as an operational concept capturing the transition from potential meaning to actuality. Special attention is given to the problem of truth, understood as a form of meaning actualization in free and responsible dialogue. The criteria for such an event of truth are parrhesia, kairos, and sympheron. It is concluded that reality is not merely described by language nor arbitrarily constructed by it, but rather actualized between the participants of communication in the event of the living word.

Keywords: philosophy of language, living word, truth, correspondence theory of truth, constructivist model of language, parrhesia, Kairos, sympheron, communitarian nature of truth, General Theory of the Living Word (GTLW), psycholinguistics, interface theory of word meaning, artificial intelligence.

*Всё сущее – увековечить,
Безличное – вочеловечить,
Несбывшееся – воплотить!*
А. Блок

Введение

Проблема отношения языка и реальности принадлежит к числу фундаментальных вопросов философии. На протяжении длительного времени европейская мысль бытует между двумя основными моделями: первая, восходящая к античной и классической метафизике, рассматривает язык как средство отражения мира: слово указывает на вещь, высказывание выражает положение дел, а истина понимается как соответствие речи реальности; вторая, получившая особое развитие в XX в., напротив, подчеркивает конститутивную роль языка: мир, в котором живет человек, не просто описывается, но в значительной мере структурируется и производится символическими формами, дискурсивными практиками и социальными кодами.

Обе эти модели обладают значительным объяснительным потенциалом, однако каждая из них имеет свои границы. *Корреспондентное* понимание истины и языка оказывается недостаточным там, где речь идет не о фиксации фактов, а о событии смыслообразования, в котором слово не только сообщает нечто о мире, но и меняет ситуацию понимания, самоотношение субъекта и конфигурацию межсубъектного пространства. *Конструктивистская* модель, напротив, убедительно показывает продуктивность языка, однако нередко размывает границу между истиной и ложью, между освобождающей речью и манипулятивным воздействием; и если язык лишь конструирует реальности, то становится неясным, на каком основании возможно различение между подлинным и неподлинным словом.

В этой связи возникает необходимость в ином подходе, который позволил бы мыслить язык не как пассивное зеркало мира и не как произвольный механизм производства реальностей, а как особый *горизонт возможного*, актуализируемый в конкретном речевом событии. Такой подход может быть сформулирован через понятие живого слова. В данной статье под живым словом понимается не просто фигура речи, а операциональное философское понятие, фиксирующее переход от интенции к её действительному осуществлению в акте речи.

Цель статьи состоит в том, чтобы показать, что язык выступает *горизонтом потенциального осуществления реальности*, а живое слово является тем событием, в котором эта потенциальность становится действительностью. В рамках такого подхода истина раскрывается не только как соответствие фактам, но и как модус осуществления смысла в свободном, ответственном и интересубъективно значимом диалоге. Для обоснования этой позиции необходимо: во-первых, прояснить историографические и теоретические предпосылки понятия живое слово; во-вторых, показать ограниченность корреспондентной и конструктивистской моделей языка; в-третьих, определить критерии, позволяющие отличать живое слово от деструктивных и симулятивных форм диалога.

1. Теоретические и историографические предпосылки понятия живое слово

1.1. Историографический контекст проблемы

Проблематика живого слова не является новой для философской традиции, однако в явном виде концепт «живое слово как горизонт реальности» пока не был

систематизирован в качестве самостоятельной онтологической модели языка, хотя его предпосылки складываются на пересечении нескольких линий европейской и русской мысли.

Исходный импульс здесь задается платоновским различием живой речи (λόγος) и письма (γραμμά) в связи с мифом о диалоге бога Тевта и фараона Тамуса. В «Федре» философская речь мыслится как адресное, ответное и ситуативно соразмерное высказывание, связанное с истиной и конкретной встречей собеседников. Тем самым уже античная традиция намечает понимание живого слова не только как средства передачи смысла, но и как события диалога [25].

В XX в. онтологическое измерение языка наиболее последовательно было раскрыто в феноменолого-герменевтической традиции. Для М. Хайдеггера язык перестает быть лишь инструментом обозначения: он связан с самим раскрытием бытия, а речь выступает не внешней оболочкой готового опыта, а условием его смысловой явленности [34]. Х.-Г. Гадамер, развивая этот импульс, характеризует язык как универсальный горизонт герменевтического опыта и связывает истину не только с корректностью высказывания, но и с событием понимания, осуществляющимся в разговоре [9]. Именно в герменевтике обнаруживается одна из наиболее близких к настоящему исследованию линий: язык выступает не просто средством описания, а средой, в которой нечто открывается в своем бытии.

Существенное дополнение к этой перспективе дает диалогическая философия М. Бубера [8]. Его различие отношений «Я–Оно» и «Я–Ты» показывает, что слово укоренено не только в структуре понимания, но и в структуре встречи. В отношении «Я–Ты» речь идет не о предмете, подлежащем описанию, а о событии присутствия, которое превышает субъект-объектную схему. Это особенно важно для настоящего исследования, поскольку понятие живого слова предполагает, что истина осуществляется не в изолированном сознании, а в пространстве межсубъектного отношения.

Русская традиция придает проблематике живого слова особенно насыщенный онтологический, эстетический и педагогический характер. В философии имени у П.А. Флоренского слово и имя понимаются в связи с явлением сущности, а не как просто условные обозначения [29]; ещё отчетливее эта линия выражена у А.Ф. Лосева, для которого имя выступает формой присутствия и осуществления смысла, а не внешним ярлыком [24]. Существенным мотивом в этой традиции выступает русская символистская эстетика. Например, в теоретических и художественных построениях А. Белого слово мыслится как житнетворящая и преобразующая сила [5]; у Вяч. Иванова символ и слово понимаются как формы внутреннего соответствия и причастности реальности [15]; в понимании А. Блока деятельностная сила слова связана с тем, что поэт воспринимает душой вселенские силы гармонии, воплощаемые в слове, которое становится действенным [7]. Наряду с этим в отечественном контексте важна и церковно-гомилетическая линия: в этой связи показательно пособие харьковского архиепископа Амвросия «Живое слово», в котором живое слово рассматривается не как случайный дар импровизации, а как особый предмет теоретического осмысления, систематического воспитания и практического формирования [3]. В педагогической филологии второй половины XIX в. эта интуиция получает прикладное выражение в журнале А.А. Хованского «Филологические записки», на страницах которого формируется эвристическая методика интеллектуального и нравственного развития «Живое слово» [35]. Тем самым в русской традиции живое слово предстает не только как метафизическая или эстетическая категория, но и как деятельная форма воспитания, духовного руководства и смыслового преобразования человека.

В качестве современной попытки систематизации и синтеза различных подходов к феномену живого слова может быть рассмотрена *Общая теория живого слова (ОТЖС)*, разрабатываемая как интегральная дисциплина, объединяющая философский, богословский, лингвистический и педагогический подходы [18]. В этом отношении ОТЖС представляет особый интерес для настоящего исследования, поскольку стремится не только объединить различные традиции осмысления живого слова, но и выработать специальный метаязык для описания конструктивных и деструктивных форм коммуникации [1].

В новейшей разработке ОТЖС предпринимается следующий шаг – переход от общего описания феномена живого слова к его историко-теоретической систематизации и аксиоматическому описанию. В этой перспективе живое слово рассматривается уже как объект теоретически контролируемого анализа, для которого формулируются собственные *принципы* и *законы*. Тем самым ОТЖС начинает выполнять не только интегративную, но и систематизирующую функцию по отношению к различным традициям осмысления живого слова.

Наконец, коммунитарное измерение истины целесообразно прояснять через обращение к Ю. Хабермасу [32]. Хотя его теория коммуникативного действия не использует само понятие живого слова, она имеет принципиальное значение для различения подлинной intersубъективной разделяемости смысла и простой коллективной согласованности мнений. Хабермас связывает возможность взаимопонимания с условиями свободной, неискаженной коммуникации и тем самым задает нормативную рамку для различения между согласием как результатом диалога и согласием как следствием манипулятивного воздействия [33].

Таким образом, историографический контекст проблемы формируется на пересечении по меньшей мере пяти направлений: платоновского различения живой речи и письма на фоне парресии и кайроса; в феноменолого-герменевтической онтологии языка; диалектической философии; русской традиции осмысления живого слова, включающей философию имени, символистскую эстетику слова, церковно-гомилетическую и педагогико-филологическую линии; и теории коммуникативной рациональности. Новизна предлагаемого подхода заключается в попытке концептуализировать пересечение этих традиций через понятие живого слова как события, в котором язык выступает горизонтом потенциального осуществления реальности, а истина – формой её действительного осуществления.

1.2. Теоретические предпосылки понятия живого слова

Интуиция живого слова, присутствующая в перечисленных традициях, позволяет зафиксировать общий для них момент: слово мыслится не как нейтральное средство обозначения, а как сила, способная актуализировать смысл в человеческой реальности. Уже в античной философии, в русской онтологии имени и педагогике, в герменевтике и в современных теориях диалога слово связано с событием присутствия, встречи, понимания и внутреннего преобразования, а не только с передачей значения.

Именно поэтому живое слово следует рассматривать как теоретически и практически нагруженное понятие. Оно обозначает такой модус речи, в котором значение перестает быть лишь элементом языка как системы и становится действующей смысловой силой. Иначе говоря, речь идет о таком высказывании, которое не только сообщает нечто, но и осуществляет переход от потенциального содержания языка к изменению сознания, отношения и ситуации. Например, слово «прощаю», произнесённое в нужный момент с искренним намерением, превращает потенциальную возможность примирения в действительное событие, меняющее отношение людей. То же слово, сказанное формально или несвоевременно, остаётся пустым звуком.

Общим знаменателем рассмотренных подходов оказывается представление о слове как о *действующей силе*, способной связывать и разъединять, раскрывать и скрывать, исцелять и разрушать. Следовательно, осмысление живого слова выводит исследование за пределы как чисто семантического, так и чисто формального понимания языка. Она требует рассмотрения речи как события, в котором соединяются смысл, время, истина и отношение к Другому.

Такое понимание и служит отправной точкой для дальнейшего анализа языка уже не как зеркала мира и не как произвольного конструктора реальности, а как *горизонта реальности*, актуализируемого в событии речи.

В этом контексте важно, что современная аксиоматизация ОТЖС стремится зафиксировать не только общий смысл понятия живого слова, но и условия его теоретической распознаваемости. Это позволяет перейти от описания живого слова как

совокупности интуиций к более строгому пониманию его как особого типа речевого события, обладающего собственной структурой, направленностью и внутренними законами осуществления [1].

1.3. Место концепции живого слова между корреспондентной и конструктивистской моделями языка

Рассмотренные выше историографические и теоретические предпосылки показывают, что понятие живое слово не может быть полностью вписано ни в корреспондентную, ни в конструктивистскую модель языка. С одной стороны, в этих подходах сохраняется установка на истину и на произвольность смысла: слово связано с раскрытием того, что обладает значимостью для говорящего и слушающего. С другой стороны, слово здесь явно не сводится к пассивному отражению уже готовой реальности, поскольку мыслится как событие, способное преобразовывать понимание, отношение и саму конфигурацию межсубъектного мира.

Тем самым указанные традиции подготавливают промежуточную, а точнее – третью перспективу, в которой язык понимается не как зеркало наличного и не как произвольный конструктор миров, а как пространство смысловой возможности, актуализируемой в речевом акте. Однако для точного прояснения этого положения необходимо сначала рассмотреть ограниченность двух доминирующих моделей языка – *корреспондентной* и *конструктивистской*, – чтобы затем показать, каким образом концепция живого слова позволяет их преодолеть. Надо заметить, что рассмотрение различий между корреспондентной и конструктивистской моделями языка носит аналитико-типологический характер и служит схемой для прояснения места концепции живого слова в этой дихотомии.

2. Ограниченность корреспондентной и конструктивистской моделей языка

После обзора историографических и теоретических предпосылок понятия живое слово необходимо уточнить, в чем состоит недостаточность двух наиболее влиятельных аналитически реконструируемых моделей языка – *корреспондентной* и *конструктивистской*. Речь здесь пойдет о выявлении тех пределов, за которыми эти модели перестают быть достаточными для описания слова как события.

Основанием для выделения корреспондентного полюса служит классическая теория истины как соответствия высказывания фактам или реальности, восходящая к аристотелевской традиции и получившая развитие в рамках так называемой *корреспондентной теории истины* [2]. Конструктивистский полюс, в свою очередь, реконструируется на основе нескольких влиятельных исследовательских линий: от лингвистического релятивизма Э. Сэпира [28] и концепции социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана [6] до герменевтики Х.-Г. Гадамера [9] и онтологии языка у М. Хайдеггера [34]. Именно их пересечение позволяет аналитически реконструировать конструктивистский полюс, противопоставленный чисто корреспондентному пониманию языка. Такая постановка вопроса важна для прояснения того концептуального пространства, в котором может быть сформулирована иная трактовка языковой реальности.

2.1. Ограниченность корреспондентной модели

Корреспондентная модель исходит из классического представления о языке как средстве обозначения и описания мира. В её основе лежит предположение, что реальность существует как уже данная и относительно завершенная область фактов, вещей или положений дел, тогда как функция языка состоит в том, чтобы по возможности точно эту реальность воспроизвести в высказывании. В рамках такой установки истина понимается как соответствие между речью и тем, о чем говорится.

Подобная модель сохраняет несомненную значимость в логике, научном описании, юридической аргументации, повседневной передаче информации и вообще в любых ситуациях, где основным критерием высказывания выступает его фактическая точность. Она

дисциплинирует мышление, удерживает различие между истинным и ложным и тем самым защищает философию языка от растворения в чистой релятивности. Однако именно там, где слово обнаруживает свою преобразующую силу, корреспондентная модель оказывается недостаточной.

Её основное ограничение состоит в том, что она рассматривает слово преимущественно как вторичное по отношению к реальности. Язык здесь призван описывать то, что уже существует, но не объясняет, каким образом в самом акте речи может происходить изменение смысловой ситуации. Между тем значительная часть человеческой коммуникации не исчерпывается описанием. Признание, обещание, свидетельство, исповедь, прощение, педагогическое наставление, терапевтическая интерпретация, философский диалог – все эти формы речи не просто добавляют информацию к уже имеющемуся миру, а меняют сам способ его переживания и понимания. И если ограничиться корреспондентной схемой, то эта событийная и трансформирующая сторона слова оказывается либо случайным внешним эффектом, либо вообще ускользает от анализа.

Кроме того, корреспондентная модель плохо справляется с вопросом о *порождении смысла* в диалоге. Она исходит из предпосылки, что смысл уже в известной мере наличен и должен быть адекватно выражен. Но в живом общении смысл не предшествует высказыванию в готовом виде, а формируется в самом процессе обращения к другому, в уточнении, ответе, встречном вопросе, внутреннем сдвиге позиции. Следовательно, язык не всегда функционирует как простое средство репрезентации; он может быть пространством смыслового становления.

Наконец, в пределах корреспондентной модели затруднительно описать различие между формально верным высказыванием и словом, которое действительно затрагивает человеческое существование. Можно сообщить факт без искажения и при этом не сказать ничего значимого для данной ситуации; можно, напротив, произнести слово, которое не сводится к фиксации факта, но открывает для другого новую перспективу понимания. Это различие невозможно уловить, если рассматривать истину исключительно как внешнее соответствие.

Таким образом, ограниченность корреспондентной модели заключается не в том, что она ложна, а в том, что она описывает лишь один, сравнительно узкий аспект языковой реальности – репрезентативный. Она необходима, но недостаточна там, где слово выступает не только как описание, но и как событие.

2.2. Ограниченность конструктивистской модели

Если корреспондентная модель недооценивает продуктивную силу языка, то конструктивистская, напротив, делает её центральной. В различных версиях конструктивизма язык рассматривается как механизм формирования социальных значений, культурных идентичностей, символических порядков и интерпретативных рамок, внутри которых человек вообще получает доступ к миру. Такая перспектива имеет большое методологическое значение, поскольку позволяет отказаться от наивного представления о языке как прозрачном посреднике между субъектом и реальностью. Она убедительно показывает, что человеческий мир всегда уже опосредован знаками, дискурсами и исторически сложившимися формами смыслообразования.

Тем не менее при радикализации конструктивистской установки возникает другая трудность: если язык мыслится преимущественно как сила производства реальности, то становится проблематичным само различие между раскрытием смысла и его навязыванием, между истиной и эффективно работающей фикцией, между созидательным и деструктивным словом. В таком случае всякое высказывание, способное организовать опыт или поведение, получает равный онтологический статус, а критерии его оценки смещаются из области истины в область силы, функциональности или социального успеха.

Показательной в этом отношении является лакановская перспектива, в которой субъект мыслится как формирующийся внутри символического порядка. У.Ж. Лакана язык не выражает уже готовый внутренний опыт, а структурирует саму возможность желания, самопонимания и отношения к реальности [22]. Тем самым усиливается конструктивистский

тезис о том, что слово не только обозначает мир, но и участвует в формировании субъекта; однако именно здесь с особой остротой встает вопрос о различии между символической детерминацией и подлинным событием смысла [21].

Это особенно заметно в тех случаях, когда языковая продуктивность используется как аргумент в пользу равнозначности всех символических конструкций. Между тем человеческий опыт показывает, что не всякая сконструированная реальность равноценна: одни формы речи расширяют пространство свободы и понимания, другие – сужают его; одни создают возможность диалога, другие – блокируют её; одни помогают прояснить положение субъекта в мире, другие формируют зависимость, иллюзию и подчинение. Следовательно, производительность языка сама по себе ещё не может служить достаточным основанием для философского понимания слова.

Второе ограничение конструктивистской модели связано с вопросом об истине. Даже если признать, что человеческая реальность в значительной мере словесно опосредована, из этого ещё не следует, что всякая языковая форма обладает одинаковой значимостью. Напротив, именно потому, что слово участвует в формировании мира, возрастает необходимость различать формы речевого воздействия по их онтологическим и этическим последствиям. Там, где это различие размывается, конструктивизм рискует незаметно перейти в нормативную нейтральность, в которой язык оказывается лишь инструментом производства эффектов.

Наконец, конструктивистская модель нередко недостаточно учитывает то обстоятельство, что слово не только формирует социальные порядки, но и способно выводить за пределы уже сложившихся дискурсивных схем. В живом диалоге речь может не просто воспроизводить имеющиеся конструкции, но и прерывать их, открывать неожиданное, размывать замкнутые формы самоописания и тем самым создавать возможность нового опыта. Если сосредоточиться исключительно на конституирующей функции языка, то этот момент разрыва, события и смыслового открытия будет вновь ослаблен.

Таким образом, ограниченность конструктивистской модели заключается в том, что она справедливо подчеркивает производительную силу языка, но недостаточно ясно отвечает на вопрос о различии между подлинным раскрытием смысла и его стратегическим, идеологическим или манипулятивным конструированием. Она схватывает активность языка, но не задает в достаточной мере критерии её философской оценки.

2.3. Итог критического сопоставления

Сопоставление корреспондентной и конструктивистской моделей показывает, что каждая из них удерживает важный аспект языковой реальности, но ни одна не охватывает её во всей полноте. Первая сохраняет связь языка с истиной, но редуцирует слово к функции отражения. Вторая выявляет продуктивную силу языка, но рискует утратить различие между раскрытием и конструированием, между истиной и эффективностью. В результате одна модель оказывается недостаточной для анализа событийности слова, другая – для анализа его нормативной и онтологической значимости.

Именно это противоречие делает необходимым поиск иной перспективы, в которой слово можно было бы мыслить одновременно как связанное с истиной и как активно участвующее в становлении человеческой реальности, но не сводя его ни к отражению, ни к произвольному производству смыслов. Такой переход требует уже не просто критики существующих моделей, а позитивного концептуального шага – рассмотрения языка как особого пространства смысловой возможности, актуализируемой в речевом событии.

3. Язык как горизонт потенциального осуществления реальности

Критическое рассмотрение корреспондентной и конструктивистской моделей языка позволяет поставить вопрос о такой перспективе, в которой язык мыслится не как зеркало уже готовой реальности и не как самодостаточный механизм её символического производства, а как *горизонт потенциального осуществления реальности*. Именно такая постановка позволяет связать центральные интуиции настоящего исследования: с одной стороны, реальность не

сводится к тому, что просто наличествует вне слова; с другой – она не является и произвольным продуктом дискурсивной активности. В человеческом мире реальность во многом становится действительной в том коммуникационном пространстве, которое открывается языком и актуализируется в живом слове.

Понятие *горизонта* здесь требует особого уточнения. Горизонт не есть предмет среди других предметов и не представляет собой завершенного содержания, которое можно зафиксировать в качестве наличного объекта. Он обозначает *открытую структуру возможного*, внутри которой нечто может стать видимым, мыслимым, высказываемым и разделяемым. Поэтому, когда язык определяется как *горизонт реальности*, речь идет не о том, что он заранее заполняет собой всю реальность или подменяет её, а о том, что именно в языке открывается пространство, в котором реальность может быть воспринята, понята и осуществлена как человечески значимая.

В этом смысле понятия *горизонт реальности* не противопоставляется *потенциальности*. Напротив, язык является горизонтом реальности именно потому, что открывает пространство её возможного осуществления. *Потенциальность* же означает не отвлеченную логическую возможность и не произвольный набор смысловых комбинаций, а еще не актуализированную форму значимой реальности, которая может стать действительной в событии речи, а может и не стать. Следовательно, язык есть *горизонт реальности* постольку, поскольку он содержит в себе потенцию смыслов, отношений и форм совместного бытия, обретающих действительность только в конкретном акте живого слова.

Такое понимание позволяет иначе описать само отношение между языком, смыслом и реальностью. Язык не сводится к словарю, к совокупности грамматических правил или к архиву уже однажды произведенных значений. Он представляет собой более глубокую смысловую среду, в которой содержится избыток ещё не осуществленного. Речь идет о такой открытости языка, благодаря которой в нем сохраняется возможность нового понимания, нового признания, нового способа соотнесения с другим и с миром. Иначе говоря, язык хранит в себе не только уже выраженное, но и ещё не сказанное, не потому что ему чего-то не хватает, а потому что его бытие изначально связано с возможностью дальнейшего смыслового раскрытия.

Именно в этой точке полезно обратиться к психолингвистическому измерению проблемы. В *интерфейсной теории значения слова* А.А. Залевской значение понимается не как фиксированное содержание, раз и навсегда прикрепленное к слову, а как динамическая система связей между языком, индивидуальным сознанием, памятью, опытом и деятельностью [13]. Слово в этой перспективе выступает как интерфейс, через который языковая форма соотносится с внутренним миром субъекта и с его практикой. Такое понимание особенно важно для настоящего исследования, поскольку оно позволяет уточнить: потенциальность языка не является чисто абстрактной философской характеристикой, но имеет и психолингвистическое выражение в самой структуре словесного значения, которое актуализируется лишь в конкретной ситуации понимания.

Тем самым *интерфейсная теория значения* подтверждает, что слово не существует как замкнутая смысловая единица, полностью исчерпываемая словарной дефиницией. Значение живет только в процессе включения слова в сеть личного и культурного опыта, в актах восприятия, припоминания, интерпретации и действия. Это хорошо согласуется с предлагаемой здесь концепцией *языка как горизонта потенциального осуществления реальности*: если язык открывает пространство возможного, то слово оказывается тем интерфейсом, через который это возможное получает доступ к индивидуальному сознанию и может стать событием понимания. Иначе говоря, психолингвистический анализ позволяет дополнить онтологическую перспективу указанием на внутренний механизм актуализации смысла.

Именно здесь получает свое место живое слово: если язык выступает горизонтом потенциального осуществления реальности, то живое слово следует понимать как событие, в котором эта возможность становится действительностью. Живое слово не просто использует язык как внешний инструмент и не сводится к успешному применению заранее

имеющихся значений. В нем осуществляется переход от потенциальности смысла к его присутствию в конкретной ситуации общения. То, что в языке существовало как возможность понимания, признания, открытия, истины или встречи, в речевом событии приобретает форму действительности и начинает определять саму структуру отношений между участниками диалога.

Отсюда следует, что различие между языком и живым словом не является различием между пассивным запасом и активным употреблением: язык как горизонт реальности не есть неподвижное хранилище значений, из которого субъект извлекает нужные единицы для передачи информации, а скорее, он представляет собой открытую и противоречивую среду смысловой возможности; живое слово, в свою очередь, не просто активизирует один из уже готовых смыслов, но выявляет и осуществляет тот смысловой потенциал, который в чисто техническом употреблении остается нераскрытым. Поэтому одно и то же слово в разных ситуациях может быть либо пустой формулой, либо событием, изменяющим способ присутствия человека в мире, а различие определяется не только лексическим значением, но и модусом осуществления речи.

В свете интерфейсной теории значения это различие может быть дополнительно уточнено: слово оказывается живым тогда, когда оно действительно включает субъекта в процесс соотнесения языковой формы с опытом, памятью, деятельностью и ситуацией общения. Мёртвое слово, напротив, остается на уровне формального воспроизведения, не переходя в подлинное событие понимания. Таким образом, «живость» слова может быть описана не только онтологически или герменевтически, но и психолингвистически – как степень действительной включенности значения в структуру субъективного и межсубъектного опыта [14].

Такое понимание позволяет избежать двух крайностей. Первая крайность состоит в том, чтобы мыслить реальность как нечто полностью завершенное и внешнее по отношению к языку: тогда слово неизбежно окажется вторичным отражением наличного. Вторая крайность – видеть в языке силу, произвольно производящую любые реальности без остатка: тогда исчезает различие между раскрытием и навязыванием, между истиной и эффективной фикцией. Концепция *горизонта потенциального осуществления реальности* предлагает иной ход: реальность не просто предшествует слову и не просто создается им, а становится действительной в том измерении, где смысл обретает форму совместно переживаемого и разделяемого присутствия.

Особенно важно, что в данной перспективе речь идет прежде всего о человечески значимой реальности, а не ставится задача отрицать существование внеязыкового мира или сводить бытие к дискурсу. Однако такие формы реальности, как признание, обещание, доверие, ответственность, истина, свидетельство, прощение, не существуют в полностью готовом виде независимо от слова. Они не являются простыми объектами наблюдения. Их действительность складывается и удерживается в пространстве речи, где они могут быть названы, подтверждены, оспорены, разрушены или восстановлены. Поэтому язык открывает не всю реальность вообще, а прежде всего ту реальность, которая осуществляется между людьми как мир смысла, отношения и совместного бытия.

Именно в этом контексте живое слово обнаруживает свой онтологический статус. Оно не ограничивается передачей содержания от одного субъекта к другому, но учреждает само пространство, в котором смысл становится общим событием. В живом слове происходит формирование такой ситуации, где и говорящий, и слушающий вовлекаются в процесс действительного открытия смысла, а не просто механический обмен информацией. Речь становится живой не только тогда, когда она просто эмоционально выразительна или риторически убедительна, а когда в ней возникает событие присутствия и ответственности [4]: нечто, бывшее до этого только возможным, становится значимой реальностью для участников общения.

При этом потенциальность языка не означает равнозначности всех способов её актуализации. Напротив, сама идея горизонта предполагает, что возможное может

осуществляться по-разному. Одни речевые акты раскрывают реальность, другие – искажают её; одни создают пространство свободного понимания, другие – подменяют его манипулятивным эффектом; одни делают возможным дальнейший диалог, другие – закрывают его. Поэтому язык как горизонт потенциального осуществления реальности уже сам по себе требует вопроса о критериях подлинной актуализации смысла. Этот вопрос выводит исследование к проблеме истины, которая в данной перспективе должна быть понята как особый модус осуществления смысла, а не только как соответствие и не только как дискурсивный эффект.

Не менее важно и то, что язык как горизонт реальности не принадлежит одному индивидуальному сознанию. Он изначально имеет интерсубъективный характер. Возможность осуществления реальности в слове открывается не в замкнутом монологе, а в том пространстве, где слово может быть услышано, принято, оспорено, продолжено и разделено. Поэтому живое слово всегда обладает измерением «между»: оно возникает из самой структуры отношения, в которой смысл становится совместно переживаемым событием. Уже на этом уровне становится очевидно, что онтология живого слова тесно связана с проблемой коммунитарного характера истины и с вопросом о формах подлинного диалога.

Таким образом, *язык как горизонт потенциального осуществления реальности* следует понимать как условие возможности такого события, в котором реальность становится значимой, разделяемой и действенной. Живое слово есть не просто момент употребления языка, а акт, в котором язык реализует свою глубинную способность открывать и осуществлять человеческий мир. Интерфейсная теория значения слова позволяет дополнить эту онтологическую картину психолингвистическим анализом: слово становится живым лишь в той мере, в какой оно действительно включает субъекта в процесс соотнесения языковой формы с опытом, памятью, деятельностью и ситуацией общения.

Здесь уместно обратиться к аристотелевскому термину ἐνέργεια (energeia), который использовал В. фон Гумбольдт, чтобы подчеркнуть, что язык не есть статичный продукт (ergon), а есть сама деятельность, процесс перехода мысли в звук, непрерывное созидание смысла [11]. Именно этот терминологический выбор точно отражает суть живого слова: не как свода готовых значений, а как длящегося акта, в котором потенциальный смысл становится событием реальности.

Прояснение того, как язык, понимаемый в качестве горизонта возможного, становится событием действительного, требует выхода за рамки чисто лингвистического или коммуникативного анализа. Здесь уместно обратиться к опыту восточно-христианской аскетической традиции – исихазма, осмысленной в философии С.С. Хоружего. В рамках этой традиции центральной категорией является синергия – соработничество, совместное действие божественной благодати и человеческой воли [36]. Синергия не есть ни простое слияние, ни внешнее сотрудничество, а особый тип взаимодействия, в котором человек, сохраняя свою свободу и личностную уникальность, становится подлинным со-участником творческого акта. Эта онтологическая модель удивительно точно проецируется на событие живого слова. Подобно тому, как в исихастской синергии открывается возможность для преобразования человека и выхода за пределы собственной замкнутости, так и в событии живого слова возникает общее пространство смысла, в котором возможно подлинное взаимопонимание, изменяющее участников диалога.

В этой перспективе удастся удержать и связь слова с истиной, и его продуктивную силу, не редуцируя язык ни к отражению, ни к произвольному конструированию. Именно поэтому дальнейший анализ должен быть обращен к более точному прояснению самой истины – уже не как статического свойства высказывания, а как события осуществления смысла в живом слове.

4. Истина как диалогическое осуществление

Если язык мыслится как горизонт потенциального осуществления реальности, то и понятие истины требует переосмысления. Корреспондентное определение истины как соответствия сохраняет свою значимость, но оказывается недостаточным. Оно отвечает на вопрос, соответствует ли высказывание фактам, однако не схватывает того измерения, в котором слово становится событием, меняющим само понимание мира и себя в мире.

Поэтому истину следует рассматривать не только как отношение высказывания к объекту, но и как модус осуществления смысла. В этом случае истина предстает как событие перехода от потенциальности к действительности. Она не сводится к внешней правильности, хотя и не отрицает её. Речь идет о том, что в живом слове смысл становится действенным, преобразующим и открывающим, а истина раскрывается как экзистенциально значимое осуществление смысла.

Именно здесь возникает важное затруднение: далеко не всякое действенное слово истинно, ведь ложь, пропаганда, идеологическая манипуляция, речевое насилие также способны производить сильный эффект, изменять поведение и даже формировать коллективную реальность. Следовательно, сама событийность еще не является достаточным критерием истины.

Это требует более строгого различения. Истинным можно назвать не любое слово, производящее эффект, а такое, которое актуализирует смысл, не разрушая при этом способности участников к свободному и ответственному суждению. Иначе говоря, истина должна быть связана с тем типом преобразования, который не подавляет субъекта, а открывает перед ним более широкий горизонт понимания и действия. Здесь уместно различать *конструктивное* и *деструктивное* речевое воздействие. Первое расширяет пространство свободы и ответственности; второе замыкает, подавляет, подменяет смысл принуждением. Таким образом, истина в перспективе живого слова есть не просто описание наличного, а форма такого осуществления смысла, которое сохраняет и углубляет человеческую способность к диалогу, свободе и совместному поиску основания.

В этом контексте полезным оказывается метаязык ОТЖС, в котором предлагается различать не только формально выраженный смысл высказывания, но и его *глубинную энергийную направленность*. В частности, категории *конструдо* и *деструдо* позволяют описывать речевые акты как конструктивные или деструктивные не на уровне их формального содержания, а на уровне интенциональной и энергетической ориентации. При этом различение *амбивалентности* как статического потенциала и *амбитендентности* как направленного энергийного акта позволяет точнее схватывать переход от возможности к действительности в самой структуре речи [17]. Благодаря этому ОТЖС предоставляет понятийный инструмент, позволяющий различать живое и *мёртвое* слово не по форме выражения, а по способу осуществления смысла и направленности речевой энергии.

Дальнейшая разработка ОТЖС усиливает этот подход тем, что переводит различение живого и *мёртвого* слова с уровня отдельных интуиций на уровень историко-теоретически систематизированных принципов. В этой перспективе живое слово описывается через совокупность условий его принципиальных возможностей: *диалогическую обращенность*, *энергийную действенность*, *контекстуально-кайротическую определенность*, *трехуровневую целостность формы* и *конструктивно-психагогическую направленность*. Благодаря этому событие истины может рассматриваться уже не только как философски постулируемое явление, но и как тип речевого действия, обладающий выявляемой внутренней структурой [17].

5. Условия события истины: парресия, кайрос, симферон

Для более точного определения живого слова необходимо указать условия, при которых переход от потенции смысла к событию истины становится возможным. Как представляется, такими условиями выступают *парресия*, *кайрос* и *симферон*.

В этом отношении показательно, что в разрабатываемой ОТЖС формулируются принципы, задающие условия возможности живого слова как особого типа речевого

события. Такая систематизация позволяет рассматривать этот лексический кластер не как произвольно собранную триаду, а как частный, концептуально уточняемый способ описания более широкой структуры живого слова, в которой соединяются диалогическая направленность, энергичная действенность, временная уместность и конструктивная ориентация речи [1].

Парресия (παρρησία) означает не просто искренность или субъективную откровенность. Речь идет о мужестве говорить правду и готовности слышать правду, даже если она нарушает привычный комфорт, ставит под вопрос самооправдание или требует внутреннего изменения [30]. Парресия имеет выраженный этический характер: она предполагает отказ от манипуляции, сокрытия намерений и использования слова как инструмента господства. Там, где слово произносится без внутренней ответственности, событие истины невозможно.

Например, врач сообщает тяжёлый диагноз в переполненном коридоре – правда есть, но момент не тот: слово ранит, а не исцеляет.

Кайрос (καιρός) указывает на временное измерение речи. Истина не существует вне времени как нейтральный информационный блок; она должна быть сказана вовремя. Одно и то же содержание, произнесенное слишком рано или слишком поздно, может не достигнуть адресата, вызвать отторжение или, наоборот, оказаться бессильным. Кайрос означает ту точку зрелости ситуации, в которой слово способно стать событием. Следовательно, живое слово предполагает не только истинность содержания и этическую ответственность говорящего, но и точность попадания в момент [31]. Например, политик произносит трогательную речь о единстве сразу после теракта (момент точный), но сам же нарушает данные обещания – слово манипулятивно, парресия отсутствует.

Однако и этих двух условий недостаточно. Можно мужественно и своевременно сказать нечто, что приведет не к раскрытию, а к разрушению другого. Поэтому необходим третий критерий – *симферон* (συμφέρον), то есть со-польза, выгода в смысле общего блага. Это не утилитарная польза и не компромисс интересов, а такое направление речевого действия, при котором слово способствует росту, свободе и способности к дальнейшему диалогу для всех участников [27]. Например, учитель говорит ученику, сделавшему ошибку: «Я тоже ошибался в этом правиле, давай разберемся вместе. Если разобраться, мы оба станем лучше» – слово направлено на общую пользу.

Итак, *симферон* позволяет отличить *паррессию* от агрессивного самовыражения, а *кайрос* – от холодного манипулятивного расчета. В единстве этих трёх условий живое слово может быть определено как этически ответственное, своевременное и ориентированное на общее благо событие актуализации смысла. Именно такое слово становится событием истины, а не просто эффективным манипулятивным воздействием.

Следует признать, однако, что интересы участников могут быть несовместимы, а представления об общем благе – конфликтовать. Так что, если симферон и не дает автоматического рецепта, то хотя бы направляет мысль в эту сторону. В это отношении симферон функционирует не как точный измеритель, а как регулятивный принцип: слово тем ближе к истине, чем больше оно сохраняет пространство для дальнейшего диалога и добровольного согласия. Но если «общая польза» навязывается без учёта голоса другой стороны, это – псевдо-симферон или форма скрытого деструдо.

Итак, если слово вообще или *описывает*, или *творит* – придумывает реальность по своему желанию, то живое слово ещё и *осуществляет* – вовремя и правдиво помогает тому, что уже было возможно, но ещё не случилось, – родиться и осуществить переход от возможности к действительности – событию, в котором потенциальный смысл языка актуализуется как сила, затрагивающая истину, время и отношение к Другому.

Разницу между *творить* и *осуществлять* удобнее рассматривать на примере следующей табл.

Сопоставление контекстуальных значений *творить* и *осуществлять*

	<i>Творит</i>	<i>Осуществляет</i>
Из чего?	Из ничего (<i>ex nihilo</i>)	Из потенции /горизонта/ (<i>ex potentia</i>)
Статус субъекта	Демнург, независимый творец	Ответственный участник
Ошибка	Невозможна (всё истинно)	Возможна (непопадание в кайрос)
Этика	Отсутствует (произвол)	Необходима (парресия)
Направленность	На самоутверждение, эффективность	На общее благо (симферон)

В этом контексте уместно вспомнить и прагматическую модель *кооперативной коммуникации*, разработанную Г.П. Грайсом [10]. Его *максимы количества, качества, релевантности и ясности* описывают важные условия успешного речевого взаимодействия и позволяют показать, что осмысленная коммуникация не сводится к механической передаче информации. Однако для настоящего исследования они важны прежде всего как указание на предел сугубо прагматического подхода. Даже речь, удовлетворяющая грайсовским максимам, ещё не тождественна живому слову: *максима качества* не исчерпывает *парресию*, *релевантность* не совпадает с *кайросом*, а *кооперативность* общения еще не гарантирует *симферона* как направленности на общее благо. Следовательно, живое слово требует не только прагматической успешности, но и более глубокого онтологического и этического измерения.

Именно поэтому живая речь может быть понята не только как удачная коммуникация, но и как событие, подчиняющееся определенным закономерностям. В аксиоматическом описании ОТЖС это означает переход от перечня признаков к формулировке законов, по которым речевое действие либо сохраняет, либо утрачивает свою конструктивную и психагогическую направленность. Такой ход усиливает нормативную строгость анализа и позволяет точнее различать живое слово, речевую нейтральность и коммуникативную деструкцию [1].

6. Коммунитарный характер истины

К трём условиям – *парресии*, *кайросу* и *симферону* – необходимо добавить измерение интерсубъективной разделяемости или коммунитарного измерения истины. Если истина мыслится как событие живого слова, то она не может быть сведена исключительно к частному переживанию. Истина осуществляется не в изоляции субъекта, а в пространстве отношения, где слово адресовано другому и может быть им признано, понято, разделено или оспорено.

Однако и здесь требуется осторожность, поскольку простая разделяемость не является критерием истины. История знает множество случаев, когда ложь, идеологическая фикция или коллективное заблуждение оказывались разделяемыми целыми сообществами. Более того, такие ложные формы разделяемости могут быть весьма устойчивыми и даже субъективно переживаться как полезные. Поэтому недостаточно сказать, что истинно то, что разделяется многими.

Коммунитарный характер истины следует понимать более строго: истинно то, что может быть разделено в условиях свободного, неискаженного и ответственного диалога. Иными словами, речь идет не о факте консенсуса, а о качестве коммуникативного процесса, в котором достигается консент: если согласие основано на страхе, идеологическом внушении, исключении инакомыслия или подавлении парресии, оно не может служить основанием истины [20].

В этом смысле истина обладает *соборным измерением*. Она не принадлежит одному субъекту как частная собственность и не навязывается извне как безусловная догма. Она возникает между участниками общения как результат совместного усилия понимания,

взаимной открытости и готовности соотносить свою позицию с общим благом. Коммунитарность истины означает, что подлинный смысл не замыкается в индивидуальном сознании, а живет в пространстве свободно разделенного понимания.

Такое понимание истины не следует смешивать с другими теориями, известными в философии науки. В отличие от *когерентной* теории, где истина сводится к внутренней непротиворечивости суждений, коммунитарная истина требует выхода за пределы замкнутой системы и обращения к Другому. В отличие от *конвенционалистской* концепции, где истина есть результат условного соглашения (например, об аксиомах), здесь согласие не произвольно, а вырабатывается в диалоге, подчинённом парресии и кайросу. В отличие от *прагматистской* и *инструменталистской* теорий, связывающих истину с пользой или эффективностью, коммунитарная истина ориентирована не на утилитарный успех, а на общее благо (симферон) и сохранение свободы участников. Наконец, от *консенсуалистской* теории (например, в версии С.А. Лебедева) эта позиция отличается тем, что решающим является не сам факт достижения консенсуса, а качество коммуникативного процесса, в котором этот консенсус рождается: консенсус, основанный на страхе, манипуляции или подавлении парресии, не может считаться критерием истины [23]. Именно поэтому коммунитарная истина предполагает не просто разделяемость мнений, а соборное единство, достигаемое в свободном, ответственном и открытом диалоге.

Такое понимание позволяет соединить онтологическое и этическое измерения истины. Она есть не просто содержание, которое можно высказать, но способ совместного бытия в слове, сохраняющий свободу и достоинство участников диалога. Именно поэтому коммунитарный характер истины имеет не только этическое, но и онтологическое значение: он указывает на то, что реальность человеческого мира осуществляется не в изолированном субъекте, а в пространстве «между/интер».

7. Онтологические следствия: реальность как осуществляемое «между»

Если принять предложенный подход, то меняется сама онтология языка и реальности. Наивный реализм полагает реальность готовой и независимой, а язык – вторичным механизмом её отображения. Радикальный конструктивизм, напротив, склонен видеть в языке производящую силу, которая создает миры, лишённые устойчивого внеязыкового основания. Концепция живого слова предлагает иной путь.

Реальность в человеческом мире не просто дана и не просто сконструирована. Она осуществляется в пространстве межсубъектного отношения, опосредованного словом. Это не значит, что внешний мир зависит от произвольных высказываний, но значит, что человечески значимая реальность – мир ценностей, обязательств, признания, истины, памяти, ответственности – возникает и удерживается в живой ткани речи. Реальность здесь носит событийный характер: она складывается в актах понимания, обещания, признания, свидетельства, совместного поиска смысла и т.п.

В этом контексте язык действительно может быть назван *горизонтом реальности*. Он не навязывает готовое содержание, но без него ничто из перечисленного не может обрести форму присутствия. Живое слово, следовательно, есть не просто один из инструментов общения, а модус осуществления самой человеческой реальности как пространства общего мира.

8. Эпистемологические и этические следствия

Из сказанного вытекают важные следствия для понимания знания, образования и речевой ответственности. Прежде всего знание не может быть сведено к накоплению информации. Информированность сама по себе не гарантирует способности к живому слову. Человек может обладать большим запасом сведений и при этом не быть способным к высказыванию, которое действительно открывает смысл в конкретной ситуации. В этом отношении знание следует понимать как способность к адекватному, ответственному и событийно значимому слову.

Соответственно, образование не должно ограничиваться передачей готового содержания. Его задача – формирование способности к парресии, развитию чувства кайроса и воспитанию ответственности за последствия слова. Подлинное образование не просто сообщает, что следует думать, но создает условия, в которых субъект учится входить в пространство смысла как свободный и ответственный участник.

Этическое измерение здесь принципиально. Если слово способно быть как лекарством, так и ядом (фармакон) [12], то различие живого и *мёртвого* слова приобретает нормативный характер. Живое слово не всякий раз приятно и не обязательно комфортно; иногда оно болезненно, как терапевтическая интерпретация или сократический вопрос. Но даже в этом случае оно ориентировано не на подавление, а на раскрытие. Деструктивное слово, напротив, может быть убедительным, красивым и эффективным, но в конечном итоге оно сужает пространство свободы и превращает другого в объект воздействия. Этический императив живого слова тем более важен сегодня, когда всё большее место в коммуникации занимают системы, лишённые собственной ответственности.

9. Прикладная перспектива: проблема искусственного интеллекта

Искусственный интеллект как раз и представляет собой предельный случай такой безответственной, но внешне связной речи. Именно поэтому вопрос о живом слове приобретает в этой области не только теоретическую, но и прикладную остроту, поскольку, хотя языковые модели способны генерировать грамматически корректные, стилистически убедительные и семантически связные тексты, эффективно работая с потенциальностью языка, однако именно здесь обнаруживается принципиальная граница между *генерацией текста* и *событием живого слова*.

Машина не обладает парресией, поскольку не несет экзистенциальной ответственности за сказанное. Она не имеет собственного риска, не может поставить истину выше выгоды и не способна в подлинном смысле слышать правду о себе. Точно так же проблематично приписывать ей кайрос: алгоритм может вычислять контекстуальную уместность, но не проживает время как человеческую ситуацию выбора, ожидания, зрелости и необратимости. Наконец, ИИ не включен в симферон как участник общего блага: он может быть инструментально настроен на полезность, но не существует внутри этического пространства совместной пользы. В связи с этим необходимо различать участие в общем благе как переживаемой и разделяемой ценности и функциональную встроенность в практики, ориентированные на это благо. В строгом смысле ИИ не может быть участником симферона наравне с человеком, поскольку не обладает собственной ответственностью, экзистенциальной включенностью в диалог и внутренним отношением к истине. Однако в инструментальном смысле он может быть включен в симферон как технический медиум, поддерживающий условия свободного, неискаженного и взаимопользительного общения. Это возможно лишь в том случае, если архитектура системы ориентирована на усиление способности участников к самостоятельному суждению, взаимопониманию и совместному поиску решения, а не на манипуляцию, удержание внимания или извлечение асимметрической выгоды. Тем самым ИИ может быть не носителем общего блага, а средством его поддержания.

Это не означает, что искусственный интеллект не может быть полезен в коммуникативной сфере. Однако его тексты следует понимать как имитацию некоторых внешних признаков живого слова, а не как его подлинное осуществление. Отсюда возникает важная задача: разработать такие критерии оценки и такие режимы использования ИИ, которые позволяли бы отличать помощь в осмыслении от симуляции живого диалога и от манипулятивного подменивания человеческого слова машинным.

Это особенно ясно с точки зрения *интерфейсной теории значения слова* А.А. Залевской, согласно которой значение не является готовым содержанием, закрепленным за словом, а представляет собой интерфейс между языковой формой, индивидуальным сознанием, памятью, опытом и деятельностью субъекта. Следовательно, слово становится живым не тогда, когда оно лишь формально правильно употреблено, а тогда, когда включается в целостную структуру человеческого понимания и действия [13]. Искусственный интеллект, оперирующий

статистическими корреляциями между знаками, может моделировать внешние признаки осмысленной речи, но не обладает тем типом жизненного и экзистенциального опыта, в котором значение становилось бы внутренне переживаемым и ответственным событием. Поэтому ИИ способен имитировать некоторые формы речевой связности, но не может в строгом смысле быть носителем живого слова как события истины.

В прикладной перспективе особенно значимой представляется *Общая теория живого слова* именно потому, что предлагает не только философское описание живого слова, но и инструменты диагностики конструктивных и деструктивных речевых практик. Это делает её продуктивной для анализа искусственного интеллекта: если современные языковые модели способны имитировать связность, уместность и информативность речи, то вопрос о «живости» их слов может быть поставлен через категории *конструдо* и *деструдо*, а также через более широкий критерий психогигиены коммуникации. В этом смысле ОТЖС может послужить прикладной рамкой для различения между речью, поддерживающей общее благо и пространство диалога, и речью, которая усиливает манипуляцию, зависимость и коммуникативную деструкцию [17].

Здесь особенно важно, что в новейшей систематизации ОТЖС метаязык живого слова мыслится уже не только как средство философского описания, но и как инструмент диагностики реальных коммуникативных практик. Если принципы и законы живого слова позволяют различать *конструктивные* и *деструктивные режимы* речевого взаимодействия, то проблема ИИ может быть поставлена не только как вопрос о способности генерировать осмысленный текст, но и как вопрос о том, поддерживает ли система условия конструктивного речевого события или, напротив, усиливает механизмы коммуникативной деструкции.

В связи с новейшими разработками ОТЖС проблему искусственного интеллекта целесообразно рассматривать не только в терминах ограничения машинной речи, но и в перспективе *гибридного интеллекта* [16]. В этом случае ОТЖС выступает как гуманитарно-методологическая основа распределения функций между человеком и ИИ. Человеческий участник сохраняет за собой паррессию, этическую ответственность, оценку общего блага и интерпретацию смыслового события, тогда как ИИ может быть ориентирован на снижение конфликтогенных коммуникативных сценариев, обеспечение объяснимости решений и ценностного согласования. Тем самым гибридный интеллект мыслится как такая архитектура взаимодействия, в которой технические системы поддерживают условия возможности конструктивного человеческого диалога, а не как замена живого слова имитирующей его машинной генерацией [19].

В этом смысле аксиоматизация ОТЖС дает для анализа гибридного интеллекта особенно важный ресурс: она позволяет описывать человеко-машинную коммуникацию не только по критерию эффективности или связности, но и по степени соответствия принципам живого слова. Тем самым гуманитарная теория речи получает возможность выступать в качестве нормативной основы для проектирования таких коммуникативных архитектур, которые ориентированы не на усиление речевого давления и симуляции, а на поддержание условий конструктивного смыслового взаимодействия [1].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать несколько выводов: *во-первых*, метафору живое слово следует понимать как философски значимое и операционально продуктивное понятие, обозначающее событие актуализации языковой потенциальности; *во-вторых*, классические модели языка – корреспондентная и конструктивистская – нуждаются в дополнении, поскольку первая не объясняет преобразующую силу речи, а вторая недостаточно различает истину и манипуляцию; *в-третьих*, язык может быть понят как горизонт потенциального осуществления реальности, а истина – как модус осуществления смысла в свободном и ответственном диалоге.

Критериями такого события истины выступают паррессия, кайрос и симферон. Эти условия позволяют отличить живое слово от деструктивной или симулятивной речевой событийности. Кроме того, истина обладает коммунитарным характером: она возникает не как частное

переживание и не как простой факт согласия, а как интерсубъективно разделяемый смысл, формирующийся в условиях свободного и неискаженного диалога.

Главный онтологический вывод состоит в том, что реальность в человеческом мире не просто описывается языком и не произвольно им конструируется. Она осуществляется между людьми в событии живого слова. Именно поэтому философия языка, этика коммуникации, педагогика, психотерапия и теория искусственного интеллекта нуждаются сегодня в более глубокой разработке понятия живого слова как горизонта реальности.

Литература

1. Аннушкин В.И., Комаров В.В., Лазарев А.И. Основные принципы и законы живого слова: историко-теоретическая систематизация в рамках Общей теории // Журнал исторических исследований, 2026. Т. 11. № 1. С. 32-50.
2. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М: 1976. С. 65–384.
3. Арх. Амвросий. Живое слово: [Пособие по гомилетике]. Харьков, 1892. 105 с.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. М., 1979. 423 с.
5. Белый А. Магия слов // Белый А. Символизм. М.: Мусагет, 1910. С. 429-448
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 323 с.
7. Блок А.А. О назначении поэта // Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса. Антология: В 4 т. Ставрополь: СГУ, 2005. Т. 2. С. 506-508.
8. Бубер М. Я и Ты. М.: АСТ, 2024. 192 с.
9. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 699 с.
10. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
11. Гумбольдт фон В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / пер. П. Билярского. СПб: Тип. Имп. Акад. наук, 1859. 366 с.
12. Деррида Ж. Диссеминация / пер. с фр. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 608 с.
13. Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. Тверь: Тверской государственный университет, 2014. 222 с.
14. Залевская А.А. Что там — за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 312 с.
15. Иванов В.И. Мысли о символизме // Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса. Антология: В 4 т. Ставрополь: СГУ, 2005. Т. 2. С. 465-468.
16. Карякин В.В. Гибридные интеллектуальные системы как симбиоз естественного и искусственного интеллектов // Россия: тенденции и перспективы развития, 2022. №. 17-1. С. 652-655.
17. Комаров В.В., Лазарев А.И. Живое слово и его глубинные энергийные структуры: интеграция античных, богословских и психоаналитических концептов в метаязык Общей теории живого слова (ОТЖС) // Журнал филологических исследований. 2026. Т. 11. № 1. С. 7–25.
18. Кривотулова Е.В., Лазарев А.И. Истоки и перспективы развития Общей теории живого слова в контексте Воронежской педагогической школы // Журнал филологических исследований, 2026. Т. 11. № 1. С. 26–36.
19. Лазарев А.И. От анализа к проектированию: метаязык Общей теории живого слова как функциональная основа для формирования консентного типа сознания и его алгоритмизации в системах ИИ // Журнал филологических исследований, 2026. Т. 11. № 1. С. 37–63.
20. Лазарев А.И. Формула консента: монография. Воронеж: «Научная книга», 2025. 250 с.
21. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или судьба разума после Фрейда // Консультативная психология и психотерапия. 1996. Т. 4. № 1. Ст. 2.
22. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М: Гнозис, 1995. 192 с.

23. Лебедев С.А. Научная истина и её критерии // Журнал философских исследований. 2024. Т. 10. № 1. С. 22–28.
24. Лосев А.Ф. Философия имени. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2016. 672 с.
25. Платон. Федр / Полное собрание творений Платона // Пер. С.А. Жебелёва. Петроград, 1922. 182 с.
26. Протопопова И.А. Логос зоон: Платон и Деррида // Синий диван, 2008. № 10-11. С. 96-113.
27. Само понятие симферон пока не существует в русской лексикографии, хотя и относится к тому же диалогу «Федр», что и фармакон, парресия и кайрос, и к тому же добрую дюжину раз встречается в текстах Нового Завета, например в 1 Послании коринфянам: «Всё допустимо, но не все вещи полезны /sympherei| συμφέρει/» [10:23]; «Но проявление Духа дается каждому для блага всех /симферон | συμφέρον/» [12:7]. Однако в русские тексты это понятие вошло в переводе, так что и в философскую мысль до начала разработки метаязыка ОТЖС это слово не было интегрировано, и только его корень встречался в названии города Симферополь («город общей пользы»).
28. Сэпир Э. Язык: введение в изучение речи / пер. с англ. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. 223 с.
29. Флоренский П.А. Имена. СПб: Азбука, 2011. 320 с.
30. Фуко М. Мужество истины: управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб: Наука, 2011. 432 с.
31. Фуко М. Речь и истина. Лекции о парресии (1982-1983) / пер. с фр. Д. Кралечкина. М.: Дело РАНХиГС, 2020. 384 с.
32. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / под ред. Д.В. Складнева. 2-е изд., стер. СПб: Наука, 2006. 377 с.
33. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. М.: Весь Мир, 2022. 880 с.
34. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / сост., пер., вступ. ст. и коммент. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. 447 с.
35. Хованский А.А. Живое слово и живые факты // Фил. записки, 1899. Выв. I. С. 1-8.
36. Хоружий С.С. Очерки синергийной антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 408 с.